

Николай Михайлович Карамзин

От издателя к читателям

Николай Михайлович Карамзин

От издателя к читателям

«...Если бы у нас могло составить общество из молодых, деятельных людей, одаренных истинными способностями; если бы сии люди – с чувством своего достоинства, но без всякой надменности, свойственной только низким душам – совершенно посвятили себя литературе, соединили свои таланты и при олтаре благодетельных муз обещались ревностно распространять все изящное, не для собственной славы, но из благородной и бескорыстной любви к добру; если бы сия любезнейшая мечта моя когда-нибудь превратилась в существенность: то я с радостью, сердечною радостью удалился бы во мрак неизвестности, оставя сему почтенному обществу издавать журнал, достойнейший благоволения российской публики. В ожидании сего будем делать что можем...»

**Николай Михайлович
Карамзин
От издателя к читателям**

Надеюсь, что «Московский журнал» не наскучил еще почтенным моим читателям, решился я продолжать его и на будущий 1792 год.

Я издал уже одиннадцать книжек – пересматриваю их и нахожу много такого, что мне хотелось бы теперь уничтожить или переменить. Такова участь наша! Скорее Москва-река вверх пойдет, нежели человек сделает что-нибудь беспорочное – и горе тому, кто не чувствует своих ошибок и пороков!

Однако ж смело могу сказать, что издаваемый мною журнал имел бы менее недостатков, если бы 1791 год был для меня не столь мрачен; если бы дух мой... Но читателям, конечно, нет нужды до моего душевного расположения.

Надежда, кроткая подруга жизни нашей, обещает мне более спокойствия в будущем; если исполнится ее обещание, то и «Московский журнал» может быть лучше. Между тем прошу читателей моих помнить, что его издает *один человек*.

Если бы у нас могло составиться общество из *молодых*, деятельных людей, одаренных

истинными способностями; если бы сии люди – с чувством своего достоинства, но без всякой надменности, свойственной только низким душам – совершенно посвятили себя литературе, соединили свои таланты и при олтаре благодетельных муз обещались ревностно распространять все изящное, не для собственной славы, но из благородной и бескорыстной любви к добру; если бы сия любезнейшая мечта моя когда-нибудь превратилась в сущность: то я с радостью, сердечною радостью удалился бы во мрак неизвестности, оставя сему почтенному обществу издавать журнал, достойнейший благоволения российской публики. В ожидании сего будем делать что можем.

И на тот год содержание «Московского журнала» будут составлять разные небольшие русские сочинения в стихах и в прозе, «Письма русского путешественника», переводы из лучших иностранных авторов, анекдоты всякого рода, известия о славнейших новых иностранных книгах, о пиесах, представляемых на парижских театрах, о новостях нашего московского театра, о русских книгах и

проч. Сверх того, будут сообщаемы извлечения из новых интересных путешествий и краткие биографии славнейших новых писателей, таких, которые известны уже российской публике по их сочинениям. Одним словом, я постараюсь, чтобы содержание журнала было как можно разнообразнее и занимательнее.

Если бы у меня было на сей год не 300 субскрибентов, а 500: то я постарался бы на тот год сделать наружность журнала приятнее для глаз читателей; я мог бы выписать хорошие литеры из Петербурга или из Лейпцига; мог бы от времени до времени выдавать эстампы, рисованные и гравированные Липсом, моим знакомцем, который ныне столь известен в Германии по своей работе. Но как 300 субскрибентов едва платят мне за напечатание двенадцати книжек, то на сей раз не могу думать ни о выписке литер, ни об эстампах.

Подписка на 1792 год журнала принимается также здесь, в Москве, в Университетской книжной лавке на Тверской, а в других городах – в почтамтах. Цена та же – то есть в

Москве пять рублей, а с пересылкою – семь. – Имена подписавшихся особ будут напечатаны.

При сем случае изъявляю благодарность мою всем тем известным и неизвестным особам, которым угодно было присылать мне свои сочинения и переводы. И впредь буду принимать с благодарностию все хорошее. Некоторые из присланных мне пиес остались ненапечатанными, не для того, чтобы я почитал их худыми, но для того, что они *почему-нибудь* не входили в план «Московского журнала».

П. П. В предисловии к январю месяцу обещал я фронтиспис, но не выдал его затем, что он был вырезан очень неудачно.